

Сюань Минь...

Его взгляд скользнул по Сюэ Сяню и тут же отвелся. Спокойно и решительно он прикрыл ладонью всё лицо негодая:

— Здесь, кажется, только ты один заводишь шарманку с привидениями.

Сюэ Сянь раздражённо цыкнул:

— Я высунулся, чтобы ты меня тискал? Руки не жалко?

Цзян Шинин неспешно вставил своё:

— Если на чистоту, в схватке твоего лица с рукой мастера тебе не поздоровится. Бумажную голову оторвёт одним махом.

Сюэ Сянь: ... Вечно в самый неподходящий момент какой-нибудь дурак переходит на сторону врага.

Он не стал отбивать руку Сюань Миня, а так, с закрытым лицом, в темноте, прислушался. Но голос, похожий на чтение мантры, больше не звучал. И он усомнился: а может, и вправду послышалось?

— Ладно, торчать тут смысла нет, — Сюэ Сянь вытянул бумажные лапки и принялся барабанить по руке Сюань Миня, пока не отбил назойливую конечность. — Идите дальше, искать надо. Услышу ещё что странное — предупрежу.

А сам продолжит яйцо высидывать — куда полезнее, чем с лысым драться.

Сказав это, он снова закатился на дно потайного кармана, улёгся на золотую жемчужину и принялся мелко подрагивать в такт шагам монаха.

Честно говоря, Сюань Минь ходил тише призрака, ровно и плавно, так что тряска была почти незаметной, даже укачивала. Жемчужина под ним, полежав в кармане, нагрелась, стала почти такой же тёплой, как тело монаха. Для бумажной оболочки, которую ветер насквозь продувает, это было весьма комфортно, почти как дома.

Сюань Минь присел, внимательно разглядывая влажную землю, усыпанную листьями.

Лу Няньци, как обезьянка, тут же присел рядом. Парнишка был молод, но уже самостоятельный, вероятно, из-за раннего сиротства. Он предпочитал надеяться на себя, а не на других. Даже если чего-то не умел, наблюдал и учился — так было спокойнее.

— Что ищешь? — Цзян Шинин взглянул на подростка и не удержался.

Лу Няньци, не поднимая головы, отрезал:

— Не знаю. — Глаза уже сломаешь, а ничего не видно.

Сюань Минь провёл рукой над листьями у своих ног. С его бзиком — даже мох через ткань трогать — вряд ли он стал бы щупать сырую листву. Лу Няньци тоже потрогал листья — кроме влажной грязи, ничего. Он с подозрением покосился на Сюань Миня, молча вытер пальцы об полу и встал.

На его взгляд, Сюань Минь просто важничал, разыгрывал спектакль без результата. Подросток был недоверчивым и упрямым, считал, что на свете мало людей, на которых можно положиться. Большинство — либо эгоисты, либо круглые дураки.

Эгоисты вроде него самого. Дураки вроде его покойного батюшки.

Он признавал, что бессердечен. Ещё недавно он требовал, чтобы Сюань Минь взял его с собой, а теперь уже сомневался, не пустая ли эта монашья шелуха. Он даже украдкой глянул на лодку у берега — на случай, если придётся вернуться и ждать, пока туман разойдётся.

Но, отводя взгляд, он поймал на себе глаза Цзян Шинина.

Из-за юного возраста Лу Няньци на миг почувствовал неловкость, но быстро оправился и вызывающе посмотрел в ответ. Цзян Шинин же уже отвёл взгляд, ожидая, когда заговорит Сюань Минь.

Сюань Минь молча поднялся, отряхнул незапятнанную рясу, достал из-за пазухи бумажный талисман.

... Опять!

Лу Няньци мысленно закатил глаза: этот монах, похоже, одним приёмом на весь мир собирается отбиваться.

Но на этот раз Сюань Минь не стал использовать талисман для управления чем-либо. Вместе с талисманом он достал лучинку, укрыл от ветра и высек огонёк.

Цзян Шинин и Лу Няньци, стоя по разные стороны, смотрели, как он поджигает талисман.

В их глазах этот желтоватый талисман ничем не отличался от погребальной бумаги — горел отлично, быстро свернувшись в чёрный пепел.

Сюань Минь лёгким движением пальцев стряхнул пепел, и тот разлетелся вперёд.

Цзян Шинин и Лу Няньци, словно перепуганные перепёлки, уставились, как пепел оседает на лесную подстилку. И там, где раньше не было видно следов, проступили отпечатки.

Не похожие на обычные вмятины — эти следы были лишь слегка отмечены пеплом на поверхности, словно тот, кто их оставил, лишь касался земли.

— Это не следы человека, — не удержался Цзян Шинин. — Это будто кто-то парил над землёй и задевал её.

Лу Няньци: ...

Он начал жалеть, что пошёл с этими людьми на остров. Нормально тут никто не говорит.

— Что значит «парил над землёй»? — Сюэ Сянь в потайном кармане разрывался. С одной стороны, ему не терпелось узнать, что делает Сюань Минь, с другой — жаль было отрываться от жемчужины. Ему казалось, что за время разговора жемчужина стала ещё теплее, даже горячее тела монаха.

Но разница была столь незначительной, что он не был уверен.

— Лысый, — окликнул Сюэ Сянь, обнимая свою драгоценность.

Сюань Минь: ...

Сюэ Сянь, не получив ответа, продолжил:

— Лысый, лысый.

Сюань Минь: ...

Сюэ Сянь закатил глаза:

— Сюань Минь! Дело есть!

Сюань Минь равнодушно отозвался:

— Говори.

— Ты ведь любишь подол рвать? Давай сделку: вместо подола этот карман порви, — Сюэ Сянь выложил железную логику. — Сделай его пониже, чтобы я и жемчужину держать мог, и голову высунуть.

Сюань Минь, конечно, не согласился.

Холодно ответил:

— Не по силам. Шея у тебя бумажная, провисит немного — оборвётся. Я бумажных покойников не собираю.

Смысл ясен: сиди тихо, не дури.

Больше не тратя слов на Сюэ Сяня, он зашагал по следам. Цзян Шинин и Лу Няньци поспешили за ним.

Сюэ Сянь в кармане немного повозмутился, потом снова ожил. Этот негодяй за свою долгую жизнь так и не выучил слова «смирение» и «покой». Он обхватил жемчужину, перекатился пару раз и всё-таки уцепился хрупкой шеей за край кармана, не выпуская жемчужину. Получилось неудобно, голова и тело будто в разные стороны тянули.

Но глаза у него были зоркие, не чета человеческим. Провисев недолго, он вдруг произнёс:

— Под деревом что-то есть.

Сюань Минь остановился. Он чувствовал, что с фэншуй острова Могильный Холм что-то не так, будто кто-то его искажил, но явных следов вмешательства не было. Поэтому он шёл, лишь краем глаза следя за отпечатками, а основное внимание уделял расположению деревьев.

Сюэ Сянь сказал:

— Слева впереди, дерево с трещиной.

Это было старое дерево метрах в десяти от них, ствол, казалось, расколола молния. Но в диком лесу такие не редкость. Сюань Минь подошёл, стал искать у корней. Вскоре в неприметном месте он заметил обрывок верёвки, почти сливавшийся с землёй по цвету. Верёвку, видимо, с

силой оборвали, на одном конце остался узел.

— Э? — Лу Няньци удивлённо воскликнул и поднял обрывок. Не обращая внимания на грязь, он разглядел узел и нахмурился:

— Это вроде как верёвка, на которой я монеты нанизывал.

— Уверен? — изумился Цзян Шинин. — И так узнаёшь?

— Узел мой, я вяжу его не как все, — Лу Няньци ткнул верёвкой в их сторону. — Смотрите.

Сюань Минь взглянул на грязь на верёвке и молча отступил.

<http://bllate.org/book/16289/1467890>